

МАРК ЗАХАРОВ:

Возвращение — 2001 — 22 июня — с. 6

СЕГОДНЯ НИКТО
НЕ СТАНЕТ ДЕСЯТЬ
МИНУТ СМОТРЕТЬ
НА ПАВЛИНА В СНЕГУ

Интервью с председателем жюри

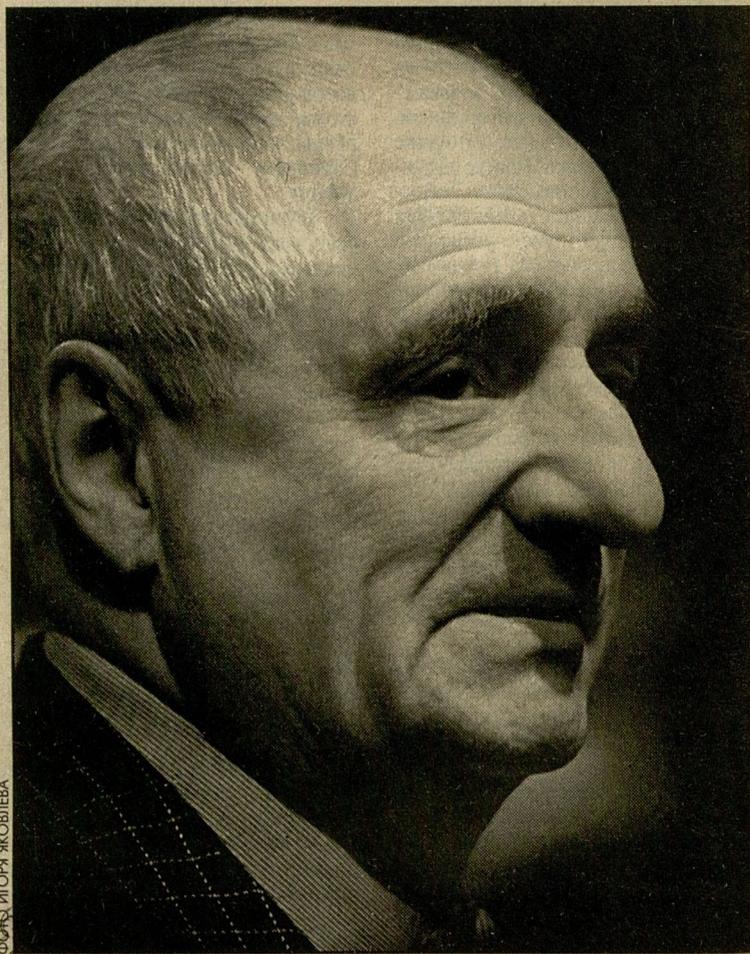

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

— Марк Анатольевич, когда вас приглашали на почетное место председателя жюри кинофестиваля, все же понимали, что у вас свои эстетические принципы, своя гражданская позиция. Из чего они складываются сегодня?

— Окончательно выбросить из сознания политику я не могу. И, на-

верное, это я привнес в работу жюри мысль о социально-политическом значении возвращения российского кинозрителя к отечественному кино. Я понимаю, что здесь есть некий утопический оттенок. Но дистанция между зрительским интересом к зарубежным фильмам и к нашим должна хоть немного сокращаться. Конечно, понимаю,

что многое связано и с кинотеатрами, и с самой системой проката, с рекламой отечественного кино...

— Которая сейчас практически отсутствует.

— Согласен. За точность не ручаюсь, но где-то я слышал, что в Японии бюджет фильма равен энной сумме плюс двести процентов на рекламу. И, как ни странно, расходы окупаются.

— Прокатчики считают, что вкладывать деньги в рекламу — это дело производителей. Производители — что это дело проката. Но ни те, ни другие весь комплекс не потянут. Когда кино было частью государственной идеологии, были и передачи на ТВ, посвященные отечественному кино. Я подсчитала, что в вашем «Киносерпантине» за шесть лет его жизни прозвучало около тысячи названий русских фильмов. Почему все так ушло с телевидения?

— В системе нашего телевидения есть талантливые люди. Есть даже два, нет, три гения. Но, мне кажется, в целом мы поглупели. В нашем обществе не хватает интеллектуальных ресурсов для того, чтобы выйти из нашей прежней побольшевицки упрощенной системы. Скажу вам, как говорил Шукшин, в приступе дурной правды: я просто не ожидал, что не только в театральной среде, но и в кинематографе так много недалеких, неумных людей. Очевидно, это касается и телевидения и, соответственно, его нынешнего состояния. По-моему, телевидение вообще попало в сеть бесконечных политических сдвигов и, как следствие, экономических проблем. Поэтому вопрос культуры как таковой ушел на третий план, а то и дальше, в дали плохо обозримые. Хотя один умный человек заметил, что империи разрушаются, многое забывается, а будущим поколениям остается только культура.

— Можно ли просчитать успех?

— Самое главное — дойти до ощущения новизны. Я отношу это не к математике, а к озарению. Когда грубое соединение разнородных элементов становится эклектикой, а когда — синтезом? Здесь точным расчетом не возьмешь. Я вам честно признаюсь: мне, например, фильм «Даун-хаус» нравится. Я уважаю его четкую жанровую и стили-

стическую продуманность, его новый язык со странными абсурдистскими монологами. Я усматриваю в этом, может быть, некое очень отдаленное влияние Хармса, который когда-то всех шокировал. Представьте, что человеку, воспитанному на Пушкине и Достоевском, показывают фрагмент из Хармса: «Шел, шел Пушкин, споткнулся об Гоголя и подумал: фу, черт, опять Гоголь! Куда ни ступишь — везде гоголи валяются...» Я не вспомню сейчас точно эту цитату. Она приводила всех в шоковое состояние. Но тем самым повышала человеческий тонус, настроение, укрепляла духовные силы. Кажется, что это глуповатый юмор, но на самом деле это особый изыск и мастерство... Вот почему произвел на меня впечатление «Даун-хаус».

— А «Нежный возраст» Сергея Соловьева?

— Это тоже вещь, во многом связанная с новым киноязыком. Предлагается дробленность истории, иногда кадра. Если вы меня сейчас попросите рассказать про мою жизнь, у меня в памяти будут всплывать какие-то осколки, случаи мелкие, странные, разной продолжительности. Вообще жизнь как поток сознания — это не длинное эпическое причинно-следственное движение, а обрывки экстремальных ситуаций, поэтому и запомнившихся.

Я с величайшим уважением отношусь к фильму Карена Шахназарова «Яды, или Всемирная история отравлений». От начала этой картины я просто задохнулся.

Мне понравился «Таежный роман» Александра Митты? Прежде всего тем, что человек так владеет своей профессией. Потому что, увь, очень часто ни продюсер, ни режиссер, ни автор сценария к своей профессии не имеют отношения. Более того, их совершенно не заботит та самая идея, о которой мы говорили в начале — идея возвращения зрителя в кинотеатры на отечественные фильмы. Причем я не имею в виду понижение их уровня до мыльной оперы. Зритель, как я его себе представляю, — это образованный непрофессионал, но вовсе не темный, неразвитый человек.

— На фестивале были картины, которые вам просто не понравились?

— Я не люблю говорить негативные вещи о своих коллегах. Я

их всех уважаю, так как труд наш безмерно тяжел и никто не застрахован от неудачи. Но были, конечно, фильмы, которые непонятно почему выбрали на фестиваль. Меня огорчила тенденция не думать о прокате, о том, что фильм должен найти зрителя, что ты снимаешь его не только для своих друзей и знакомых. Без формы ничего не бывает. Но заниматься одним визуальным рядом, наплевав на все остальное, изысканно выстраивать кадр ради кадра — это не кино. Поймали оператор с режиссером какой-то план с тройным отражением плюс медленно, в рапиде или в распечатке, капает капля плюс какой-то неслыханный ракурс, свет — и они надолго замерли в состоянии, извините, оргазма. Ну, нравится им это! В то время как на Западе, я замечал, хороший оператор тоже делает подобные кадры, но походя, и он ими не хвалится. Они у него проскакивают, оседая, конечно, в нашем подсознании, они складываются потом в культуру фильма, но не самодовлеют. Вам никто не навязывается: «Смотрите, какой я хороший! Смотрите, что я умею! Только подольше смотрите! Полюбуйтесь моей эстетической гениальностью!»

Увь, мы живем в другое время — первым об этом печально сказал Феллини: он заметил, что телевидение убило многие визуальные радости кинематографа. Сетовать на это бессмысленно. Сегодня никто целых десять минут не будет смотреть на роскошного павлина на снегу в «Амаркорде». Сейчас другое восприятие.

На «Кинотавре» я физически ощутил ценность времени. В Сочи я смотрел фильмы каждый день по многу часов. Но если бы я был в Москве, жил в своем обычном ритме, с большинства фильмов я бы просто ушел. Сейчас что-то произошло со временем. Минута приобрела другую ценность. Раньше собирали собрания, просиживали на них часами. А сейчас чтобы раз в год собрать всех людей в театре, надо затратить массу усилий. Никто не хочет жертвовать своим временем. Вот и делайте вывод — какое нужно кино, чтобы заманить сегодня зрителя в кинотеатр.

Беседовала
Галина СКОРОБОГАТОВА